

Мария Ковальски
Легенда северной Пустоши

Мария Ковальски
Легенда северной Пустоши

«Издательские решения»

Ковальски М.

Легенда северной Пустоши / М. Ковальски — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559121-0

Великая северная Пустошь — место, где древние легенды берут начало. Она может даровать небывалую мощь — может и погубить. Принц Северного королевства страдает от того, что у него нет Дара. А принц Южного королевства — от того, что у него этой магии с избытком. Чтобы получить желаемое, они отправляются в глубь Пустоши. Эта история — о дружбе и верности. О чести и цене данного слова. О том, что семья — это те, кто всегда с тобой, пусть и не рядом. И об истинном раскаянии, способном менять мир.

ISBN 978-5-00-559121-0

© Ковальски М.
© Издательские решения

Содержание

Северное королевство	6
Таинственный южанин	8
Призраки Пустоши	17
На поиски принца	23
Тайна Карима	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Легенда северной Пустоши

Мария Ковальски

© Мария Ковальски, 2022

ISBN 978-5-0055-9121-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северное королевство

На самом краю мира людей, у Великой реки Меревинд много веков росло и процветало королевство Вангейт. Жители его были искусными охотниками, ловили рыбу, изготавливали красивые и прочные вещи из дерева и кости. Они торговали с соседями, продавали им меха, рыбу, мясо. На всем севере не было им равных в искусстве охоты.

Но даже такие смельчаки, как жители Вангейта, избегали без особой нужды идти в глубь Великой Пустоши, простиравшейся за рекой далеко на север. Потому что мало кто возвращался оттуда, а те немногие, что шли догонять сбежавший скот, спешили вернуться домой до наступления темноты, и потом шепотом рассказывали о призрачных голосах и странных видениях.

Не было нужды слагать легенды о Великой Пустоши – их и так хватало с избытком. Древние легенды говорили, что когда-то за рекой было могущественное королевство, но его правитель разгневал Духов севера и был наказан за свое высокомерие: Духи превратили его вместе с армией и жителями королевства в злобных призраков, которые скитаются теперь в поисках новых жертв, голодные и отчаявшиеся. А сполохи Небесного огня – это спутанные тропинки между миром живых и мертвых, по которым скользят, не находя нигде себе приюта, проклятые души.

Помимо трудолюбия вангейтцы также славились рассудительностью, поэтому они не стали упрямиться и приняли условия: они не лезут в Пустошь – а Пустошь не трогает их. Бывало, правда, что студеными зимними ночами дозорные на стене у реки замечали далеко-далеко мерцающие огоньки: словно бы кто-то разводил в бескрайней снежной степи костры. Но к чему призракам тепло? Кто-то утверждал, что это Духи, уставшие от одиночества, стремятся быть ближе к людям. Только вот люди не спешили отвечать тем же.

Несколько веков Вангейтом правил род Стейн. Короли и королевы, сменявшие друг друга на троне, отличались храбростью и справедливостью; Вангейт рос и процветал, его жители богатели и развивали торговлю. С соседними странами Вангейт воевал редко, предпочитая держать нейтралитет. А когда наследный принц Бьерн, которому родители начали отбирать невест из самых красивых девушек, неожиданно для всех выбрал в жены прекрасную принцессу из южного королевства Арифа, появилась надежда на заключение долговременного мирного договора.

Арифа занимала большую площадь степей и полупустынных земель к югу от Великой реки, а горный хребет защищал страну от холодных ветров с севера. Это было сильное королевство, с которым у Вангейта всегда были напряженные отношения. Однако женитьба Бьерна на наследнице престола Арифы принцессе Далии, казалось, объединит страны в могущественный союз. Так оно и было до недавнего времени – до тех пор, пока климат внезапно не начал меняться.

Последние несколько лет зимы стали заметно холоднее, весна приходила все позже, а осенью чаще случались заморозки.

Кто-то подметил, что изменения климата начались как раз в тот год, когда Далия вышла замуж за Бьерна – восемнадцать лет назад. Придворные советники короля Арифы Муаза вместе с учеными заявили, что Далия принесла беду, и чтобы исправить все, нужно заставить короля Бьерна снять проклятие.

– Иначе магия огня покинет Арифу, – непреклонно заявил старший советник. – Нужно вернуть принцессу Далию домой, тогда все станет, как прежде.

Муаз тогда ничего не сказал, и советники еще некоторое время шептались: что король не хочет видеть свою племянницу, отказавшуюся выйти замуж за могущественного правителя западного королевства; что он не хочет заставлять ее возвращаться, если она обрела счастье

на севере. И как знать, вернется ли все на свои места, даже если Далия вернется, потому что она родила сына через год после своей свадьбы.

С тех пор, как Далия вышла замуж за Бьерна, она приезжала домой несколько раз; однажды ее сопровождал юный принц Роун. Далия выглядела здоровой и радостной, и Муаз не стал рассказывать ей о проблемах в Ариффе. Однако она сама обо всем узнала и опечалилась. Даже вернувшись на север, она не переставала думать, как решить проблему. Но пока ответ не находился, и ни лучшие ученые, ни мудрейшие советники не могли сказать, в чем дело.

Все члены королевской семьи Ариффы обладали огненным Даром и могли в любое время отправить друг другу сообщение при помощи магических артефактов. Огненная магия связывала членов семьи, так что каждый из них чувствовал настроение и состояние другого. Также Дар огня позволял исцелять практически любые раны: во многом именно благодаря этой магии ариффы считались лучшими лекарями.

Короли Вангейта владели магией льда, которая сдерживала натиск холода с Пустоши. На севере города возвышалась стена, на которой день и ночь дежурили солдаты, не отводившие взгляда от Меревинда и снежной пустыни за рекой.

Чем старше становился принц Роун, тем больше беспокоились Бьерн и Далия, потому что их единственный сын, похоже, не обладал Даром, будь то магия огня или льда. Близилось его совершеннолетие, но Роун не показывал никаких особых способностей. Если в день своего семнадцатилетия он не сможет доказать, что владеет Даром – будь то магия огня или льда, то лишится права наследовать престол.

Король с королевой привыкли делиться друг с другом всем. Далия как-то призналась мужу, что иногда ей кажется: это все ее вина.

– Возможно, магия огня и льда несовместимы? – тихо сказала она, когда однажды вечером они стояли на башне и смотрели на закат. – Вода заливаает огонь, а пламя испаряет воду. Человек не сможет выдержать, если оба Дара будут в нем.

Бьерн обнял жену и провел рукой по ее волосам, шелковистым, как вода рек Ариффы. Он полюбил принцессу Далию, как только увидел ее, и когда она согласилась выйти за него замуж, был вне себя от счастья. С годами это чувство не угасло, но стало только крепче.

– Он похож на тебя, моя королева: такой же упрямый, – Бьерн улыбнулся жене. – Наш сын добивается всего, чего хочет. И даже если у него не будет Дара, он станет великим королем.

– Но Совет... Совет не разрешит. Кое-кто только и ждет возможности заявить, что принц не достоин наследовать престол, – в карих глазах королевы плескалась тревога. Бьерн взял ее руки в свои, прижал к своей груди, чтобы согреть.

– Еще десять дней, – Бьерн смотрел на лед, сковавший Меревинд. Последние лучи заходящего солнца косо падали на глыбы белоснежного льда, отражаясь в мирадах осколков. Король старался, чтобы его голос звучал уверенно. – У нас есть еще время. Нам надо быть терпеливее.

Далия подняла голову и долго смотрела на мужа с легкой, немного печальной улыбкой. Оба знали, что королева права: если Дар не проявится в день, когда принцу Роуну исполнится семнадцать лет, любой из советников сможет выдвинуть себя в качестве претендента на престол. А учитывая, что желающих наверняка много, такой вариант грозил большими проблемами, вплоть до гражданской войны.

Но магия не подчинялась желаниям людей. Она была как стихия – непредсказуемая, коварная, всегда берущая свою цену.

И именно магия была причиной, по которой Пустошь стала таким опасным местом.

Таинственный южанин

– А я говорю – никто не осмелится пройти дальше, чем Астар! – Совсем еще молодой паренек перебил собеседника и, размахивая руками, продолжал гнуть свою линию: – Астар и Хьёр – лучшие охотники Вангейта, и обвинить их в трусости не посмеет никто, так? Но они остановились на Второй развилке, а потом вернулись. Потому что знали: Пустошь не любит наглецов...

– А может просто потому, что им надоело бродить кругами? – отозвался бородатый охотник постарше, зевнул в кулак и поднялся из-за стола. – Любой дурак знает, что Пустошь не терпит вмешательства людей в ее тайны. Потому и наводит морок, и люди ходят по кругу, а сами в тщеславии своем думают, что идут к Скалистому хребту. Глупость.

– Может, ты просто завидуешь? – вклинился в беседу молчавший до сих пор охотник со шрамом, что пересекал левую щеку и почти задевал глаз. Выглядел он уставшим. – Сам-то только до Первой развилки дошел.

– Может, дошел я только до Первой, да только видел и слышал побольше, чем остальные! – разозлился бородач. Теперь он смотрел на всех с вызовом, сжав кулаки. – Призрак Девы многие из вас видели? То-то же! А я видел.

– И сбежал, ага!

– А ну-ка, все успокоились! – рявкнул трактирщик, которому надоело каждый день слушать бесконечные споры и разнимать драчунов. Он швырнул на стол тряпку, которой вытирал кружки, и от неожиданности все замолкли. Трактирщик раздраженно оглядел спорщиков, покачал головой:

– Каждый день одно и то же. Льете воду из пустого в порожнее, а толку с ваших споров? Была б людям польза от шастанья по Пустоши – так давно бы кто-нибудь добрался до Скалистого, вернулся бы и поведал нам, что да как. А раз никого туда не пускают – значит, оно нам и не надо.

Собравшиеся загомонили: кто-то соглашался с трактирщиком, другие возражали, а так как народ привык выражать свое мнение громко, то шум поднялся еще больший, чем прежде.

Сидевший за столом почти у самой двери юноша недовольно поморщился и проворчал:

– Чушь какая... Пустошь их не пускает, как же!

Кто знает, как повернулась бы история, если бы как раз в тот момент в трактир не зашел другой молодой человек, с покрасневшим от мороза лицом и ясными синими глазами. И если бы вновь пришедший не различил каждое слово. И если бы он не обладал горячим нравом... Кто знает!

А так – вышло, что новый гость обиделся и тут же переспросил, остановившись у стола:

– О чем это ты говоришь?

– Разве не могу говорить, о чем пожелаю? – холодно удивился сидевший, устремив на вошедшего равнодушный взгляд зеленых глаз.

– Только не когда говоришь о Вангейте и его жителях! – заявил вошедший, опираясь ладонями на край стола. Спутник юноши что-то сказал ему, повернувшись спиной к обидчику. Синеглазый охотник только отмахнулся, как от мухи, и продолжил: – Или считаешь северян трусами, южанин? – Последнее слово он словно выплюнул.

Несколько человек отвлеклись от спора с покрасневшим от злости трактирщиком и теперь смотрели на двух молодых людей.

Южанин продолжал смотреть на синеглазого так, словно тот ничего из себя не представлял – равнодушно, едва ли не прикрыв глаза, и кажется, именно это больше всего раздражало вспыльчивого охотника Вангейта.

– Те, кто не желает признать свою неудачу, и есть трусы, – не повышая голоса, ответил южанин.

Северянин стукнул кулаком по столу, отчего подпрыгнула деревянная кружка:

– Трусы?! Это ты говоришь о храбрейших охотниках? О тех, кто каждый день рискует жизнью?

– Что за дешевую драму ты тут устроил, – недовольно отозвался южанин, лоя кружку и заглядывая в нее. Он покачал головой, быстрым жестом подозвал взмыленного трактирщика: – Убери.

Северянин не выдержал подобного и, недолго думая, схватил обидчика за меховой воротник куртки. Однако поднять парня с места и уж тем более встряхнуть не получилось – южанин ждал подобного и в ответ быстрым движением впечатал кулак в живот охотника. Тот сдавленно охнул, чуть подался назад, но тут же отреагировал: замахнулся сам. Южанин от замаха легко увернулся – но не успел уйти от повторного и получил удар в челюсть.

Спор, быстро перешедший в драку, привлек внимание гостей трактира, и кое-кто бросился разнимать драчунов. Охотника-задиру оттеснил в сторону его спутник, что-то быстро и раздраженно шепча, южанин с рассеченной губой злобно смотрел на обидчика, придерживаемый с двух сторон за руки.

– Эт-то еще что такое? – Трактирщик выглядел едва ли не рассерженнее парней, оценивая нанесенный ущерб. Каким-то образом драчунам удалось за пару секунд сломать крепкий, казалось бы, стол, четыре кружки (три, с пивом, разносчица как раз несла мимо), и окно. Холодный ветер с радостью залетел в комнату, занося крупные снежинки, которые тут же залепили глаза. – Как расплачиваться собираетесь, любезные господа?

– Я заплачу, – тут же ответил спутник синеглазого задиры, полез за деньгами. Сам охотник прожигал южанина взглядом, делая попытки вырваться из ласковых, но крепких объятий вышибалы. Южанин стоял прямо, не вытирая текущую кровь, и только брезгливо стяхнул с рукава чужие пальцы. Один его вид, гордый и заносчивый, способен был вывести из себя.

Разбитое стекло заменили на время подходящим по размеру куском дерева, обломки стола вынесли, осколки подмели и помянули глотком свежего пива. Спутник северянина заплатил половину требуемой трактирщиком суммы и быстро вывел подопечного на улицу, не переставая что-то говорить ему. А вот южанин оказался никому не нужен, а так как заплатить он наотрез отказывался, трактирщик с чистой душой сдал его зашедшему на огонек охраннику. Тот припомнил, что обещал начальству поймать к концу дня хоть кого-нибудь (а то граждане замучили требованиями обеспечить безопасность ночных улиц), и с радостью повел парня в тюрьму.

– Ну вот, – разочарованно отметил один из завсегдатаев, – только-только веселье намечалось, и на тебе...

– Веселья хочешь? – рявкнул трактирщик, все еще не смирившись с потерей стола. – Тогда иди себе в Пустошь и потеряйся там, сделай милость!

Принц Вангейта Роун был очень недоволен. Мало того, что день не задался с самого утра. К завтраку опоздал, пришлось есть остывшее блюдо, потому что уговор с отцом был такой. Потом проиграл кузену в схватке на рапирах. Так еще мама пристала с просьбами относиться внимательнее к урокам у дворцового мага. Паршивый колдун и так не отличался тактичностью и мягкостью, а проведя ночь в бесплодной борьбе с бессонницей, и вовсе решил измучить своего ученика двойной порцией нудных заклинаний и жестов, которые нужно было повторять в точности, потому что «не хотите же вы, мой принц, стать причиной невиданных катаклизмов только из-за своей рассеянности?»

Никакой пользы от этих уроков Роун не видел. Когда он пожаловался отцу, что не видит смысла изучать теорию, если на практике у него ничего не получается, Бьерн вздохнул, но фальшиво заверяя сына в необходимости продолжать учебу не стал.

Каждый будущий правитель Вангейта должен был знать основы магии льда, а Роун, как сын принцессы Ариффы – еще и магию огня. Его ужасно раздражало то, что он должен часами зубрить заклинания, оттачивать жесты, но при этом осознавать, что Дар не желает проявляться. Без него Роун не смог бы стать королем Вангейта.

Раньше принц не особо задумывался о том, что же он будет делать, если не унаследует престол. Его больше влекла вольная жизнь охотников, и он часто присоединялся к группе, собирающейся идти на зверя. Никто не узнавал Роуна, и он наслаждался свободой от множества условностей и правил, без которых не мог и шагу ступить во дворце. «Принц, вам нельзя так поступать!», «Ваше высочество, не подобает сыну короля делать то-то и говорить так-то», «Роун, ты не имеешь права быть легкомысленным!»... Нет уж, подобной жизни ему хотелось все меньше, и принц без зазрения совести сбегал в город.

Это очень беспокоило королеву Далию. Она прекрасно знала, как вспылчив ее сын, какие необдуманные поступки он может совершить, следуя своим капризам. Однако король Бьерн относился к побегам сына спокойнее. Он понимал, что Роун чувствует огромное давление, и признавал, что на месте сына, вероятно, поступал бы также.

– Ты не был так горяч, – Далия нервно ходила по комнате, от окна до кровати, затем к двери, к креслу, на котором сидел король. – И прекрасно понимал, чем могут обернуться твои поступки.

– Он тоже все понимает, хотя и не желает пока это признавать. Наш сын вырастет, Далия, а ты не хочешь его отпускать, – Бьерн улыбнулся жене. Далия вздохнула:

– Я знаю, знаю... но все же, так боюсь за него! Когда он уходит, полагая, что мы этого не замечаем, у меня сердце не на месте. Как представляю, что...

– Успокойся, прошу тебя, – Бьерн потянулся, взял ее за руку и привлек к себе. Обнял за талию, прижался щекой к ее животу. – Он не глуп, он чтит законы и честен, и готов отвечать за содеянное.

– Но его никто не узнает, – Далия дождалась, пока муж поднимет голову и посмотрит ей в лицо. – А что, если он попадет в переделку, а рядом никого не будет? Сам знаешь: восточные районы города все еще не свободны от остатков Тьмы...

– С ним Бранд, – отозвался Бьерн, – а он всегда умел решить любую проблему.

– Да, – со вздохом признала Далия, – с ним Бранд, и это меня немного утешает.

– Бранд! – Роун не скрывал злости. – Куда ты пропал?

– Опять злишься, – спокойно заметил Бранд, догоняя принца. В руках он держал ворох одежды, в которой Роун опознал и свою. – Значит, я опять поступил правильно.

– Этот мерзавец посмел оскорбить наш народ, а ты не дал мне доказать, что он не прав!

– Уметь махать кулаками – не признак храбрости, – Бранд оставался безмятежен, и Роуна это только больше злило. – Если бы тебя узнали, ты бы стал не только «принцем без Дара», но и «принцем-задирой».

– Я бы доказал хотя бы то, что не стану молчать, когда мой народ пытаются смешать с грязью! – Роун раздраженно вырвал свой плащ из рук Бранда, собираясь бросить его. – Почему не оставил одежду где-нибудь?

– Чтобы любой прохожий, найдя ее, мог узнать, что принц разгуливает по городу? Ну уж нет, – Бранд отобрал плащ.

Роун сжал зубы, борясь с желанием обозвать кузена каким-нибудь нехорошим словом, потом резко повернулся и пошел прочь. По пустой ночной улице гулял только шальной восточный ветер, хлопая ставнями.

– Куда ты идешь? – Бранд догнал принца. Тот отмахнулся:
– Возвращайся во дворец.
– И что я скажу дяде, интересно? – хмыкнул Бранд, явно не собираясь отставать от сумасбродного кузена.

– Да что угодно! Скажи, что я решил поплавать в реке, например.
– Ты не хочешь становиться взрослым, Роун, – голос Бранда стал серьезным.

Роун остановился, посмотрел на него, упрямо сжал губы:

– Я не хочу, верно.

– Мы не можем выбирать, когда нам взрослеть, – заметил Бранд негромко. – Ты – принц Вангейта, будущий его правитель...

– Это если Дар все-таки найдется!

– ...А я – твой верный адъютант, твоя тень.

– Моя совесть, – фыркнул принц насмешливо. Бранд покачал головой:

– Одаренный или нет, но ты наследник престола, и не имеешь права портить репутацию своим родителям. Вот о чем я пытаюсь тебе сказать.

Роун вздохнул:

– Через десять дней мне исполнится семнадцать. Если у меня не появится Дара, я не смогу претендовать на трон, и мой отец станет последним правителем в роду.

– История знает случаи, когда и без этого становились королями, – возразил Бранд. Роун горько усмехнулся:

– И сколько они правили? Через сколько дней их свергали бунтовщики?

Бранд промолчал. Оба слишком хорошо знали историю, чтобы наивно предполагать, будто не Одаренному королю разрешат править долго.

Без магии льда Вангейт не смог бы противостоять натиску холодов с Пустоши. Дар мог проявиться у любого в день семнадцатилетия, и тогда счастливчик мог бросить вызов правителю. Такое случалось редко – в конце концов, помимо магии король должен обладать определенным набором качеств, быть настоящим воином и с готовностью жертвовать многим ради своего народа. Однако история Вангейта знала случаи, когда доходило до гражданской войны в борьбе за трон. И Роун, и Бранд прекрасно понимали, что грозит королевству, если через десять дней принц не докажет, что у него есть Дар.

Потому что у главного советника Каида он проявился тринадцать лет назад, что делало Каида претендентом на трон. Тогда он не осмелился заявить свои права – выходец из простой рыбацкой семьи, необразованный и нерешительный, что он мог бы предложить людям? Однако теперь ему было тридцать лет, и советник сильно изменился. Умный, амбициозный, умеющий вести за собой людей, Каид стал головной болью Бьерна. И вместе с тем, главный советник до сих пор ни разу не сделал ничего такого, за что его можно было бы заключить под стражу. Став правой рукой короля и возглавив Совет, он прекрасно разбирался в политике и экономике, мог решить возникшую проблему дипломатией или жестко. А еще не раз говорил (и доказывал это), что его работа – помогать правителю вести Вангейт к процветанию.

Роун всегда недолюбливал советника, считая его мутным и скользким, а уж когда узнал в десятилетнем возрасте, что Каид может стать королем, так и вовсе стал относиться к нему, не скрывая неприязни. Главный советник отвечал вежливой улыбкой, говорил, что ему нужно идти по делам, откланивался и уходил, оставляя Роуна скрипеть зубами. Бранд считал, что роль Каида сильно преувеличивают, чем еще больше злил Роуна.

– Небось спишь и видишь, как он восседает на троне, – раздраженно говорил он в детстве. Бранд яростно отнекивался.

– Да, такой король и нужен Вангейту, – говорил Роун, когда стал старше и в первый и последний раз в своей жизни напился. – Справедливый, внимательный, добрый – а еще у него есть Дар. Не то, что никчемный принц.

Бранд тогда ничего не сказал, только вздохнул, помог кузену подняться на ноги и довел его до дома. Наутро ни Роун, ни Бранд не упоминали об этом пьяном самобичевании, да и вообще о попойке, после которой Роуну было так плохо, что он поклялся больше никогда не напиваться.

Какое-то время Роун не упоминал о Каиде, но как-то не выдержал, и Бранду пришлось выслушать длинный монолог, в котором заслуги советника противопоставлялись недостаткам принца. Тогда Бранд тоже не сдержался, взял приунывшего кузена за грудки и внятно объяснил ему, что вот такой нытик и зануда точно не нужен Вангейту на троне. Роун пришел в себя, вспыхнул и заявил, что Бранд переходит все границы, и сам перешел эти границы, заехав кузену в нос кулаком. Кузен молча сносить такое не пожелал, и за ужином король с королевой удивленно наблюдали, как парни сидят друг напротив друга, надутые и помятые, и не желают ничего рассказывать.

И вот теперь у Роуна опять портилось настроение с каждым днем, что приближал его к порогу совершеннолетия. Бранд приказал себе вооружиться терпением и сопровождал принца во всех его прогулках по городу. Он понимал состояние кузена и не хотел травить ему душу. Роун, кажется, относился к этому с благодарностью.

– Дар может появиться и в последний день, – заметил Бранд негромко, когда они остановились на углу улицы. Время близилось к полуночи, но возвращаться домой Роун отказался, решив прогуляться по ночному городу. – У того же Каида...

– Да не произноси ты его имени при мне, – поморщился Роун.

– Сохраняй достоинство. Не натвори глупостей. Отец многого от тебя ждет.

– И он ошибается, – огрызнулся Роун. Бранд хотел что-то сказать, но принц взметнул ладонь: – Молчи. Надоело выслушивать наставления. Ты старше меня всего на год, а считаешь себя умнее.

– Всего лишь пытаюсь помочь.

– Помочь хочешь? Ну так иди домой, пожалуйста, и оставь меня одного хотя бы на час, – мрачно сказал Роун. Бранд не двигался с места. – Да не потеряюсь я! Нянька, тоже мне... Скоро вернусь.

И он быстрым шагом пошел прочь, оставив Бранда позади. Тот знал по опыту, что подобное настроение кузена рассеивается довольно быстро, если дать ему побыть одному, однако какое-то предчувствие мешало ему уйти.

Роун словно почувствовал его взгляд. Он остановился, тяжело вздохнул и повернулся к нему:

– Слушай. Я не потеряюсь, не упаду в реку, не напьюсь и не устрою драку. Достаточно обещания принца, чтобы идти домой и лечь спать?

– Я боюсь, как бы ты не придумал себе новые развлечения, – серьезно отозвался Бранд. Роун невесело хохотнул:

– Я не в том настроении, чтобы искать себе приключений, кузен. Просто прогуляюсь часок, проветрю голову и вернусь. Иди.

Бранд помолчал, затем кивнул:

– Не надейся глупостей.

– Не наделаю, – Роун нетерпеливо махнул ему и пошел прочь.

Улицы Вангейта он знал хорошо, и не заблудился бы, даже если бы не горели лампы на столбах. Уж кем-кем, а изнеженным домоседом он точно не был. Раньше мама ужасалась, когда он возвращался домой после прогулок, иногда и после небольшой драки, но Роун в конце концов выбил себе право ходить по родному городу, пусть и в сопровождении кузена. Беспокойство матери не исчезло совсем, но уменьшилось.

Отец встал на сторону сына, и как-то рассказал о своей юности. Роуна немало позабавило, что папа, оказывается, не всегда был тем сдержанным и рассудительным королем, которого

все знают. В молодости Бьерн успел побыть путешественником, охотником, даже на спор пару месяцев проработал подмастерьем у пекаря. Так что отчаянное стремление сына к свободе было ему близко и понятно.

Роун ни за что на свете не признался бы никому – даже отцу, с которым у него были отличные отношения, даже себе самому, – что его все больше пугает приближающаяся церемония инициации, в ходе которой выяснится, есть ли у него способности к магии. Страх он предпочитал маскировать бравадой, злостью, равнодушием – чем угодно. И еще – ему все больше нравилось быть в одиночестве или среди тех, кому было все равно, кто он на самом деле. И если бы не понимание, что он ужасно огорчит маму с папой, Роун бы наверняка ушел в далекий поход с группой охотников или разведчиков. Но приходилось терпеть.

Дойдя до перекрестка, он остановился и задумался, куда идти дальше. На улицах почти никого не осталось, только редкие прохожие да стражники. В окнах трактиров горел свет, но в большинстве домов уже спали. К друзьям заходить не хотелось.

Роун вздохнул и опустил на землю прямо там, где стоял. Прислонился к стене, закрыл глаза. Холода он не чувствовал: напитанный огненной магией перстень, полученный от матери, позволял не беспокоиться о таких вещах.

– Вот и все, на что способен принц Вангейта, – проговорил он негромко. – Носить с собой артефакты мамы, но самому не уметь даже спичку зажечь. Да уж, наследник из тебя так себе...

– Шел бы ты домой, маменькин сынок, – раздался вдруг рядом презрительный голос. Роун вздрогнул, обернулся – и встретился взглядом с недавним противником. Тот стоял по ту сторону решетки, скрестив руки на груди, и выглядел так, словно находится в тронном зале дворца. Роун только сейчас понял, что остановился у тюрьмы. А еще – что окно камеры открыто, на улице очень холодно и ветрено, но заключенный, кажется, даже не замечает этого.

– Тебе что, совсем не холодно? – вырвалось у него. Южанин раздражающе усмехнулся:

– Нет. А тебе, маленький принц?

– Не твоего ума дело, – грубо откликнулся Роун и снова прислонился к стене.

Разговаривать с заключенным, пусть даже с позиции победителя, не позволяла задетая гордость; уйти – любопытство. Роун боролся с собой, когда обидчик снова подал голос:

– Правду говорят, что у тебя Дара нет?

Роун пробурчал ругательство. Заключенный только хохотнул и взялся руками за прутья решетки. Роун снова поразился: мороз крепчал, а у парня не было ни перчаток, ни теплой куртки, но холод был ему не страшен. Согревающий артефакт? Так стражники должны были отобрать любой предмет с магической аурой. Значит, надо их проведать и сделать выговор за нарушение порядка.

Однако южанин все не успокаивался:

– И по городу ты бродишь потому, что потерял надежду стать королем?

– Нет! – рявкнул Роун – и тут же пожалел, что не сдержался. Ухмылка южанина была столь пакостной, что Роуну захотелось снова врезать ему. Но не драться же с заключенным? Это было бы ниже достоинства короля... возможного короля.

– Хочешь, чтобы я поверил, что ты не трусишь? – спросил заключенный таким мирным тоном, словно они находились на светском рауте. Роун раздраженно фыркнул, размышляя над ответом. – Тогда предлагаю спор.

– Зачем мне соглашаться? – ядовито поинтересовался Роун. Южанин быстро и почти добродушно улыбнулся, и эта неожиданная улыбка удивила Роуна:

– Ну, а почему тогда ты полез со мной драться? Разве не доказывая свою правоту?

– Просто захотелось тебе навалить, – буркнул Роун, не глядя на него.

– Причина, достойная драки.

– Лучше заткнись.

– А то что? Заставишь меня?

– Ну все, с меня довольно! – зарычал Роун, вскочил на ноги и бросился на поиски стражи. То ли чтобы дать им нагоняй по поводу артефакта у заключенного, то ли чтобы действительно навалить ему.

Странное дело, но стражи он не нашел. Никого у входа в тюрьму, в коридорах или комнатах – словно бы все разом куда-то ушли. Роун шел дальше и хмурился. Куда могли уйти все? Неужели что-то случилось? Нет, вон висит на стене магическая карта, на которой показывается состояние каждого стражника, и судя по ней, все живы и здоровы. Вот только куда-то пропали.

– Странно все это, – проговорил Роун, размышляя, стоит ли послать весточку командованию, или сначала поискать ответы самому.

В камерах спали заключенные; кое-кто смотрел на незваного гостя с затаенной злобой и не отвечал на вопросы. Кто-то с издевкой поинтересовался, не решил ли его высочество сменить дворцовую роскошь на простой тюремный быт? Роуну с трудом удалось сделать вид, что он ничего не слышал.

В конце концов Роун дошел до камеры, в которой стоял южанин. Тот повернулся на звук шагов, заинтересованно приподнял бровь:

– Все-таки решился?

– Куда все подевались? – спросил Роун. Южанин пожал плечами, и в этом движении сквозило равнодушие:

– Понятия не имею. Нет привычки следить за кем-то.

– Голубая кровь, да? – злобно буркнул Роун. – Ты не мог совсем ничего не видеть. Куда все делись?

– Откроешь дверь? – буднично поинтересовался южанин. Роун мотнул головой:

– Еще чего. Так где?..

– Утомительный ты, – разочарованно протянул заключенный и отвернулся к окну. Роун скрипнул зубами. – Сидеть в этой камере мне неохота, но видишь ли – я не могу выбраться без вреда...

– Вижу, и мне это нравится.

– Глупый мальчишка, – с презрительной жалостью сказал южанин. – Ты даже не знаешь, кто я такой.

– Обнаглевший южанин, которому стоит пару-тройку месяцев посидеть тут и успокоиться.

– Жаль, но у меня нет столько времени. У меня его вообще почти нет.

Последние слова заключенный почти прошептал. Роун изо всех сил постарался не выдать любопытства.

– Заклучим соглашение, – решительно заявил южанин, делая шаг к решетке и протягивая руку. Взгляд у него был прямой и ясный. – Выпусти меня, и я не стану оскорблять твое королевство.

Роун насмешливо фыркнул:

– А извиняться не собираешься?

– Я никогда и ни у кого не прошу прощения, – отчеканил южанин, лицо которого закаменело. Роун подал плечами:

– Ну, как хочешь. Посиди, подумай над своим поведением, а я пойду.

Он почти дошел до поворота коридора, как донесся негромкий голос заключенного:

– Если я не попаду за реку в течение часа, то Вангейту не поздоровится. И это будет на твоей совести, юный принц.

Роун медленно обернулся. Южанин выглядел холодным, но что-то побудило Роуна спросить:

– Что случится, если ты не сможешь?

– Магия выйдет из русла, – почти рассеянным тоном отозвался заключенный. Роун недоверчиво прищурился:

– Какая магия?

– Моя магия, дурень! – вспыхнул южанин. Он вытянул руку вперед. – Знаешь же, что в этой камере нельзя колдовать? – Роун кивнул. – Ну так смотри!

Над его ладонью вспыхнул огонек, затанцевал, заставив Роуна приоткрыть рот от изумления – и зависти. Потом пришло осознание: южанин запросто пользуется магией там, где ее блокируют стены!

– Что... да кто ты такой? – Роун выхватил кинжал. Сам себе он в этот момент казался беспомощным мальчишкой, который неожиданно столкнулся с непонятным и странным явлением, и теперь не знает, как поступить.

Южанин погасил огонь, горько рассмеялся:

– Теперь понимаешь? Только Пустошь может погасить этот огонь.

Роун колебался только несколько секунд, прежде чем подойти к двери. Протянул руку между прутьями решетки:

– Соглашение. Ты уходишь, куда тебе угодно – и не причиняешь вреда городу и королевству.

Южанин пожал протянутую руку. Пальцы у него были горячие и тонкие. Роун только сейчас осознал, что парень одного с ним возраста.

– Мне нужно только перебраться за реку.

– Так чего торчал в трактире? – съязвил Роун, открывая дверь. Южанин помолчал, потом серьезно ответил:

– Великая река не пускает чужаков в Пустошь днем.

Роун кивнул, идя следом за бывшим заключенным к выходу. Потом нахмурился:

– И все-таки – где охрана?

– Спит, – равнодушным тоном отозвался новый знакомый. Прежде чем Роун успел задать вопрос, пояснил: – Магия огня, юный принц, и не такое может. Конечно, я имею в виду истинную магию, Дар, а не артефакты.

– Вот только ты передо мной свою магию не выставлял, – раздраженно проворчал Роун, только сейчас осознав, что идет за южанином, а не показывает ему путь. Это было неприятно, и на следующем повороте он поспешил обогнать спутника.

– Странно, что ты, северянин, не чувствуешь, когда Пустошь зовет, – невпопад заметил южанин. Роун недоуменно уставился на него:

– А ты, значит, чувствуешь?

– Она зовет меня, – рассеянно сказал заключенный, выходя на улицу. Ветер тут же швырнул ему в лицо горсть снега, но снежинки сразу растаяли.

Южанин нетерпеливо вытер мокрое лицо, посмотрел на Роуна:

– Ты со мной?

– Что? – изумился принц.

Мысль о том, чтобы идти в Пустошь с человеком, который, видите ли, «чувствует» Пустошь, оскорбляет Вангейт и управляет магией огня, не приходила ему в голову. Однако потребовалось меньше минуты, чтобы Роун прикинул все плюсы и минус данной затеи. И когда на первый план вышло непобедимое желание доказать всем, что он может стать правителем даже без Дара, Роун не думая выпалил:

– Да!

Южанин как-то странно на него посмотрел, но ничего не сказал. Только когда они подошли к переправе, у которой стоял постоялый двор, неохотно выдал:

– Иди туда и попроси лошадей. Скажи – мы едем к тетушке на восток.

– Сам почему не скажешь?

– Кому быстрее поверят?

Роун, ворча себе под нос, толкнул калитку и вошел. Вернулся он скоро, с двумя оседланными лошадьми. Протянул поводья южанину, потрепал лошадь по холке, и неохотно поинтересовался:

– Как тебя звать-то?

– Карим, – отозвался южанин, легко взлетая в седло. Роун повторил движение с не меньшим изяществом, на что Карим никак не отреагировал. – Поехали. Рассвет близко.

Призраки Пустоши

Магии огня хватало, чтобы оба путника и их лошади не ощущали холода, но справиться с ветром было сложнее. Карим использовать свой резерв отказался напрочь – как и объяснять причину. Роун поворчал для вида, но милостиво поделился магией перстня со спутником.

Переправиться через Меревинд по толстому льду оказалось легко: выехать из города – и все, никому нет дела до твоих забот и желаний, можешь хоть навечно переселяться за реку.

Очутившись на другой стороне, Карим едва слышно выдохнул с облегчением, и Роун взглянул на него с любопытством. Как бы не так: южанин мигом нацепил маску презрительного равнодушия и только обронил:

– Поспешим.

– Опять нужно куда-то добраться за короткое время? – не сдержал язвительности Роун. Карим снисходительно посмотрел на него, с жалостью покачал головой:

– Насколько же вы ограничены...

– Эй, соглашение!

– Ты меня утомляешь, – процедил Карим рассерженно и поехал впереди.

Роун прищурился: даже холодного южанина можно вывести из себя, как выясняется. Надо будет запомнить и использовать при случае. А то вон как зазнается, словно это он тут – принц с тяжелой судьбой.

– Ты мне не ответил, – Роун догнал спутника, – мы идем куда-то конкретно?

– А тебя дома не хватятся, маленький принц без Дара?

Роун с трудом сдержался, чтобы не дать раздражающему южанину в нос. Артефакт нужно было все время держать активированным, а это требовало сосредоточенности. Поэтому Роун ограничился злобным пыхтением и пообещал себе, что вернет любезность. Ну и что, что принцам полагается быть благородными и милостивыми? Иногда можно и забывать, что ты принц.

– Вот тебя это точно не должно волновать, невежа. У вас на юге все такие?

Карим снова посмотрел на него свысока и жалостливо:

– Какие – такие, сын южанки?

– Маму не тронь, – процедил Роун злобно. Карим кивнул:

– Не буду.

– Как-то слишком быстро ты согласился, – не поверил Роун. – С чего бы?

– Не твое дело.

– Грубиян.

– Сам согласился пойти со мной.

– Сам мне предложил.

– Духи севера и юга, за что вы так со мной? Это что же, мне твою болтовню всю дорогу терпеть? – Карим выглядел скорее расстроенным, чем разозленным. Роун тут же поинтересовался:

– Всю дорогу куда?

Карим ничего не ответил, только прищипорил свою лошадь и поскакал вперед, быстро скрывшись в снежном тумане. Роун кинул взгляд на перстень и расплылся в злодейской ухмылке.

Куда бы там ни спешил южанин, Роун решил постараться скрасить ему путь.

А заодно и найти себя, если это вообще возможно.

Оставшись в одиночестве, Роун снова задумался, какая нелегкая его понесла в Пустошь – ту самую Пустошь, о которой ходили легенды, которой пугали детей, и которой боялись взрослые, храбрые мужчины. Неужели только глупое мальчишеское желание доказать усомнившемуся в его храбрости, что он ошибается? Или же тайная, едва тлеющая надежда найти

свой Дар? Ведь ходят же легенды, что иногда Дар проявляется после подвига, путешествия, жертвы... А ему терять нечего, у него всего-то десять дней – нет, уже девять, – чтобы доказать свое право на наследование престола.

Только вот мама с папой, конечно же, будут вне себя от тревоги. Но магическая связь между всеми членами королевской семьи позволит им знать, что сын в порядке. А мама... Маме он постарается объяснить все, и попросить прощения, и пообещать скоро вернуться. Только бы получилось связаться с ней!

Роун осознавал, что часто на горячую голову совершает поступки, за которые потом ему становится стыдно, и это необдуманное путешествие со странным незнакомцем, наверняка, можно было отнести к числу самых... глупых? Странных? Самоубийственных?

А может, именно так взрослеют? Не наблюдая за тем, как окружающие ошибаются и пытаются исправить ошибки, а самому раз за разом вляпываться в плохо пахнущее дело и старательно работать лапками, чтобы выбраться целым? Это как учиться не трогать огонь после неудачной попытки с ним поближе познакомиться; не лезть в воду после того, как чуть не утонул; не есть незнакомые ягоды, если не хочешь снова пережить острую боль, нехватку воздуха и ощущение близости смерти.

Роун не мог вспомнить, когда в последний раз делал что-то настолько необдуманное, и чтобы рядом не оказалось кого-то из близкого окружения: мамы, отца, Бранда, да хотя бы советника Каида. И он понимал, что если бы не волнение и страх, вызванные близящейся процедурой инициации, он бы, скорее всего, остановился на краю Меревинд – или еще раньше. Или вообще не затеял бы ту драку в трактире. Но его состояние было таким, что усидеть на месте Роун точно не смог бы. И тут появляется таинственный южанин, который мастерски управляется с магией огня и предлагает отправиться с ним в Пустошь. Кто бы на его месте не согласился бы?!

Он помотал головой, желая вытряхнуть лишние мысли, назойливо кружившиеся в мозгу: а если ничего не получится, а если никакого Дара не будет, ведь никто не гарантировал этого, а вдруг этот южанин вообще не человек и ему нужна жертва?..

– Хватит уже думать, – довольно громко произнес он, убеждая себя самого в правильности своего поступка. – Что сделано, то сделано. Вернуться назад значило бы признаться в своей слабости и никчемности, и осталось бы только лично предложить Каиду сесть на трон.

Пустошь радовала глаз только снежной пеленой, из-за которой ничего не было видно. Защитная огненная магия не позволяла холоду и ветру проникнуть сквозь тончайшую невидимую «пленку» Завесы, обтекая всадника и лошадь. Небо низко нависало над снежной степью и было мрачным и тяжелым: сплошная туча, готовая щедро отсыпать колючего снега. Меревинд быстро скрылась из вида.

Роун остановил лошадь: не зная дороги, в Пустоши лучше не рисковать. И как раз в этот момент из пелены вынырнул обсыпанный снегом Карим, нашел взглядом Роуна и подъехал. Южанин выглядел злым и замерзшим. Роун хмыкнул, делясь теплом артефакта:

– Что, магия подводит?

– Если я ее отпущу на волю, тут все растает, – сквозь зубы отозвался Карим, стряхивая снег с куртки, пока тот не растаял окончательно. Роун издал смешок:

– Ты еще скажи, что Великий потоп устроишь! Ври, да не задавайся!

Карим выругался на своем языке, замысловатой и сложной фразой. Роун разобрал примерно половину, из которой следовало, что южанин считает его кем-то очень скользким и любящим подземелье. Но оскорбиться он не успел.

Лошадь внезапно остановилась, так что Роун едва успел схватиться за поводья крепче, испуганно заржала, а потом встала на дыбы, скинула всадника на землю и ускакала прочь, в сторону реки. Ошеломленный Роун, падая в глубокий снег, успел увидеть, что Карима постигла

та же участь. Потом он выронил перстень – и сразу же оглушительно завыл ветер, слепя и обжигая лицо.

Сугроб оказался глубоким, и у Роуна мелькнула мысль зарыться поглубже и переждать бурю. Затем он вспомнил, что это Пустошь, и здешние бури не чета обычным, и с сожалением отказался от идеи.

Он вынырнул наружу, почти ничего не видя и не слыша, и принялся шарить в поисках перстня, остро жалея, что не обладает Даром и зависит от артефактов. Лицо замерзло очень быстро, щек он почти не чувствовал, как и пальцев ног и рук...

И в этот момент живительное тепло охватило его, даровав блаженство и покой. Роун поморгал, стряхивая с ресниц снег, огляделся. Карим, стоя по пояс в снегу рядом с ним, держал его за руку, и выражение лица у него при этом было такое, словно он держит то самое скользкое существо.

Снег вокруг них быстро таял, ветер разочарованно утих, и вскоре Роун заметил перстень. Не отпуская руки Карима, он потянулся за артефактом, схватил его, и только потом разжал пальцы, позволяя Кариму выбрать, своей ли магией он воспользуется для обогрева или предпочтет искусственную.

Южанин, кривясь и морщась, с крайней неохотой слегка сжал пальцы Роуна.

– Я должен восстановить резерв, – объяснил он, цедя слова. Роун кивнул:

– Без проблем.

Оба промокли насквозь, и если бы не магия, замерзли бы за мгновение. Роун решил, что стоит сделать привал до утра, а там уже разбираться, что делать дальше.

– Пошли вон туда, – он показал товарищу на темневший посреди белоснежного мира островок. – Надо отогреться и отдохнуть.

Оба побрели к островку, растапывая снег собой и промокая еще больше. Несомненно, магия просушила бы одежду – но с навалившейся усталостью она не справилась бы. И Роун сомневался, что южная магия в этом вопросе хоть сколько-нибудь лучше северной. Иначе мама рассказала бы ему.

Роуна кольнуло острое сожаление: магическая связь наверняка доложила маме с папой, что на короткое время контакт с защитным артефактом был утерян, и родители, конечно же, перепугались. Но сейчас-то все хорошо, правда?

Островок на самом деле оказался невысоким холмом – первым за все время их пути. Роун ужасно удивился: он думал, что Пустошь – это точно место, где нет гор. Ну, кроме Скалистого хребта, очертания которого можно увидеть в ясный день со стены города. Однако принц быстро сориентировался и с помощью Карима сумел соорудить Завесу, оберегающую людей от бушующей непогоды.

Холм оказался с небольшой пещерой. Карим без сил повалился на землю, даже не снимая мокрую куртку. Роун шмыгнул носом, от куртки избавился и повесил ее на выступ в стене, после чего сел ближе к согревающей золотистой Завесе и блаженно зажмурился.

– Спасибо, – негромко произнес Карим. Роун открыл глаза, моргнул.

– И тебе.

– Никогда бы не подумал, что скажу это тебе, – Карим скривился.

– Не больно-то и хотелось. Как-то жил без твоей благодарности почти семнадцать лет.

Карим помолчал, и Роун подумал, что тот готовит очередную ехидную реплику, но южанин неожиданно спросил:

– Так это все-таки правда, что твой Дар еще не проявился?

– И у него всего девять дней на это, – честно признался Роун, пожал плечами. – Ну, мама учила меня, что нужно быть благодарным судьбе за то, что она тебе дает...

– И требовать то, что она тебе должна была дать, – жестко перебил Карим. Роун издал смешок:

– Может, ты и прав, не знаю. Но магия – это такая стихия, которая или есть, или нет. Насильно ее к себе не привяжешь.

– Но ты же не сможешь стать королем!

– Я даже не знаю, буду ли я рад этому, – признался Роун, размышляя, зачем говорит все это южанину, с которым знаком всего несколько часов.

Карим выдохнул очередное ругательство, прислонился к стене, глядя на товарища со смешанным выражением удивления, растерянности и злости:

– Дар – это право королей!

– Ты ему об этом скажи, – со смешком посоветовал Роун. Снаружи бушевала непогода, но в маленькой пещерке было тепло и уютно, и даже спутник не раздражал так уж сильно. – Мама думает, что это из-за нее. Ну, потому что она южанка, и у нее Дар огня, а у папы – ледяной. Видимо, их нельзя смешивать.

Карим долго смотрел на него, казалось, подыскивая нужные слова и не находя их. Роун безмятежно улыбнулся ему и закрыл глаза, надеясь, что настырный южанин, наконец, отвяжется со своими бередящими душу вопросами. Но надежда была тщетной:

– Значит, тебе нужно найти свой Дар, – потребовал Карим. Роун хмыкнул:

– Он что, вроде клада, по-твоему?

– Ты слишком легко сдаешься!

– Я живу в поисках последние несколько лет, – пока еще мягким тоном сказал Роун, начиная закипать. – И ничего пока не нашел. Как думаешь, каков шанс найти в последние дни? И вообще, с магией или без нее, я все равно могу жить нормальной жизнью.

– Как бы не так! – горько усмехнулся Карим. – Думаешь, тебе позволят жить во дворце после неудачной инициации? Или твоим родителям?

– Я думал об этом, – признался Роун, – и решил, что если у меня ничего не получится, то я воспользуюсь правом выдвинуть претендента. Мой кузен обладает Даром льда, пусть он и слабее, чем мог бы быть. Вот его и выдвину.

– Ты ему доверяешь?

– Абсолютно, – кивнул Роун. – Бранд – тот еще зануда, но он верен до конца и честен до глупости. А тебе-то какое дело до того, стану я королем или нет? – спохватился он, с подозрением глядя на мрачного южанина. – Тебе на трон северного королевства хода нет точно.

– Больно надо! – огрызнулся Карим. – И с чего ты решил, что мне есть до этого дело?

– Ну, хотя бы с того, что ты кипятишься последние минут пять, – хохотнул Роун, хотя чувствовал себя совсем не весело. Слова Карима подлили масла в огонь, напомнив о проблеме, о которой он и так никогда не забывал и только пытался замаскировать растущий страх бахвальством.

В самом деле, чего этот южанин к нему пристал? Потасился в Пустошь, чтобы та каким-то образом ограничила ему прущую напролом магию, прихватил с собой принца северного королевства, но зачем лезть в его дела? Своих проблем не хватает?

– Ты поэтому со мной пошел? – неожиданно спросил Карим, когда Роун уже начал дремать. Принц вынырнул из дремы, с неудовольствием посмотрел на товарища по путешествию:

– Я еще не знаю, зачем я потасился за тобой в эту стужу. Наверное, поэтому. А может, и не поэтому. Отстань. Ты хуже нашего дворцового колдуна, когда он меня учит заклинаниям: брюзжишь и нудишь. Сам-то знаешь точно, зачем приперся сюда?

– Как ты правильно заметил, – язвительно сказал Карим, – лед тушит огонь, а мне того и надо. Так что я точно знаю, зачем я здесь.

– Так и будешь сидеть тут, в тепле, и ждать, пока талый снежок в карманах куртки потушит твой огонек?

Карим закрыл глаза, словно приказывая себе успокоиться. Роун про себя посмеивался, довольный тем, что удалось вывести из себя надменного южанина, когда тот кинул на него тяжелый взгляд и проговорил:

- Мне нужно попасть к Скалистому хребту.
- Уже конкретнее. И что там?
- Место, где я могу избавиться от лишнего магического резерва.

Роун прищурился, разглядывая лицо южанина. Тот явно не договаривал, но Роун слишком устал, чтобы вытаскивать информацию. Он решил устроить допрос утром, когда выспится и отогреется, да и непогода утихнет, позволив решить, куда идти дальше.

И в этот момент земля мелко задрожала, с потолка посыпалась каменная пыль, а магический щит дрогнул. Карим вскочил на ноги первым, широко раскрытыми глазами глядя на что-то за Завесой. Роун кинул быстрый взгляд на свой перстень. Тот едва заметно дрожал – и так же подрагивал щит, спасающий их от холода.

- Будь готов активировать резерв! – прокричал Роун.

Шум усиливался, сверху начали падать мелкие осколки; один угодил в щеку Кариму, но тот словно не заметил. Южанин стоял с закрытыми глазами, сложив ладони вместе. Роун разрывался между желанием замереть на месте и ждать дальнейшего развития событий и пониманием, что еще немного – и потолок может рухнуть на них.

Завеса замерцала, и сквозь золотистое сияние Роун заметил какие-то бледные силуэты. Принц открыл рот, чтобы предупредить Карима, но в то же мгновение южанин схватил его за руку – и вовремя!

Перстень жалобно задребезжал, Завеса рассыпалась, и в пещеру ворвалась настоящая снежная буря. Роун инстинктивно зажмурился, но тут же открыл глаза. Было на что посмотреть!

По снежной равнине мчались всадники на огромных конях, спрыгнувшие с холма. Они были словно созданы из снега и не чувствовали холода. Ошеломленный Роун сбился со счета сразу же.

- Невозможно... – прошептал он, озираясь.

Как раз в это мгновение появилась целая группа охотников с собаками – и, сделав круг, поскакала в сторону парней. Роун инстинктивно готов был упасть на землю, но Карим дернул его за руку, словно точно знал: принц испуган. Да и кто бы не испугался?

Так они и стояли посреди бури, окутанные магией огня, наблюдая, как мимо проносятся все новые и новые всадники на богато украшенных конях, с собаками, прикрепленными к седлам колчанами и луками за спиной, с мечами в ножнах. Оглушительная тишина, которую нарушало только их собственное дыхание, придавала событиям совершенно невероятный эффект. И только когда всадники исчезли в снежной пелене, морок наконец спал.

Роун шумно выдохнул, уставился на Карима со смешанным выражением детского восторга и растерянности:

– Это что же, был Великий гон?! Призрачная охота королей севера, которой пугают детей, если те ведут себя плохо? Терновый король со свитой, который возвращается в свой замок на краю мира, и если принцесса, которую он похитил на прошлой охоте, сбежала, он бросается за ней в погоню!

Карим, который сначала выглядел таким же изумленным, постарался быстро вернуть себе надменный вид:

- Ты спрашиваешь об этом южанина? Что с твоей гордостью?
- Я просто не знаю, верить ли своим глазам. Это ж надо, а!

Карим только хмыкнул, как делает взрослый, когда ребенок ведет себя слишком эмоционально. Странно, но Роуна это почти не задело.

Карим со скучающим видом зарядил перстень магией огня и отдал хозяину, после чего снова несколько минут восстанавливал уже свою ауру, держась за мизинец принца. Роун не удержался от смешка:

– Так вот зачем я тебе понадобился, южанин! Я твоя страховка!

– Как и я – твоя, – проворчал Карим, отпуская его руку так быстро, словно Роун был болен проказой.

– Ага, – легко согласился Роун. – Только тебе в Пустошь было нужнее, верно? А абы кого ты взять не мог: артефакты огня, хоть и можно купить в лавке, отличаются друг от друга весьма и весьма сильно. И если бы с тобой тут был кто-нибудь из простых людей...

– А ты – не простой, да?

– Я имею в виду, что мало у кого нашелся бы артефакт, выданный принцессой Ариффы и позволяющий его хозяину черпать магию, даже если он сам не Одаренный, – Роун подарил хмурому товарищу раздражающую усмешку. – И если бы с тобой тут оказался кто-то другой, далеко бы ты не прошел.

– И что помешало бы мне, к примеру, избавиться от тебя и захватить твой перстень? – сумрачно поинтересовался Карим. Роун безмятежно улыбнулся:

– Да то, что если бы ты рискнул такое повернуть, сгорел бы в тот же миг. И даже твоя собственная магия не помогла бы.

– Проверял? – Карим подошел почти вплотную, не отводя тяжелого взгляда. Роун безмятежно кивнул, не желая выглядеть слабее:

– Представь себе. Всякое бывало.

Карим еще какое-то время сверлил его взглядом, будто желая выпытать тайну, потом резко отвернулся и пошел обратно в пещеру. Роун постоял еще немного, пожал плечами и пошел следом за мрачным товарищем, с усмешкой отмечая, что вывести надменного южанина из себя, оказывается, не так уж и сложно. Зато как приятно!

На поиски принца

Король и королева Вангейта, с трудом привыкшие отпускать единственного сына в относительно безопасный город и походы с опытными охотниками, конечно же, были изрядно встревожены, когда магия крови, связывающая их, внезапно показала, что принц зачем-то пересек Великую реку. Далия готова была тут же отправить за сыном стражников, но Бьерн удержал ее.

– Возможно, это просто очередной спор с товарищами, – сказал он негромко. – Знаешь же, в этом возрасте постоянно проверяют друг друга на храбрость. Дай ему время.

– Уже за полночь, – королева Далия смотрела на мужа огромными глазами, в которых читался страх за сына. – Ты знаешь, что бывает в Пустоши ночью... знаешь лучше, чем кто бы то ни было другой.

Бьерн медленно кивнул. Да, он знал о жестокости и коварстве Пустоши, завлекающей и убивающей холодом – и кое-чем пострашнее. Истории о призраках и голосах, во времена легкомысленной юности казавшиеся ему обычными байками у костра, очень быстро становились частью воспоминаний, стоило только провести одну-единственную ночь на том берегу. Не свихнуться после увиденного и услышанного. Вернуться и рассказать другим, чтобы те не повторяли ошибок и не лезли в обитель вечного холода...

– Он не один, – Бьерн показал на два мерцающих огонька на карте, подсвеченной магией. – С ним кто-то, у кого есть артефакты огня.

Далия склонила голову к плечу, прищурилась, глядя на огоньки. Один сиял ровным светом, другой напоминал огонь свечи, которую держат в руке: то ярче, то тусклее. Какой из них принадлежит Роуну, определить было несложно: артефакт, который Далия вручила своему сыну, позволял точно сказать, что с аурой Роуна. Однако внимание королевы привлек огонек «свечи». Она долго смотрела на него, и наконец произнесла:

– Это не артефакт.

– Что? – Бьерн был удивлен. – Хочешь сказать, он нашел Одаренного и зачем-то вместе с ним отправился в Пустошь ночью?

– Скорее всего, – рассеянно отозвалась Далия, сосредоточенно разглядывая карту.

– Но зачем им так углубляться в Пустошь? – Бьерн нахмурился, уже готовый разделить тревогу жены и немедленно отправить на поиски сына лучший поисковый отряд.

Далия ахнула, посмотрела на него, и Бьерн изумился: во взгляде королевы была пугающая растерянность. Далия пошатнулась, схватилась за край стола.

– Что такое? – король быстро шагнул к побледневшей жене, обхватил ее плечи ладонями, взгляделся в лицо. – Что случилось, моя королева?

– Отправь за ними Айварса, – непослушными губами прошептала Далия, опираясь на руку мужа. – Отправь немедленно, потому что они задумали невозможное!

Вернувшись во дворец, Бранд не стал подниматься к себе в комнату, а терпеливо прождал в кухне почти час. Разумеется, он не ждал, что кузен вернется точно в назначенный им же срок, но когда установленное время прошло, начал беспокоиться, и в конце концов вернулся на улицу, намеренный найти упрянца.

Однако поиски не привели к успеху. Бранд проверил все места, куда мог пойти Роун, зашел в трактиры, к друзьям кузена, даже прогулялся по опушке леса, но принца никто не видел. Только стражник, заканчивавший свой обход, припомнил, что заметил какого-то парня, похожего на Роуна, который выходил из тюрьмы.

Бранд нахмурился. Что это Роуну понадобилось в тюрьме ночью?

– А! – стражник поднял указательный палец. – Он еще не один был, твой знакомец. С ним какой-то парень был. По виду – голубых кровей, не иначе! Потому как держал себя индюк индюком, вот чесслово!

– Час от часу не легче, – пробормотал Бранд. – Что это еще за... – И тут его захлестнуло подозрение. – Парень не похож на наших? Ростом с меня, смотрит этак свысока?

Стражник недолго колебался, прежде чем кивнуть:

– А то! Может, его кто выкупил, потому как, видать, в заключении был. Помятый чуток, – пояснил он, показал на свою щеку. – Вот тут поцарапанный, и одежда, хоть и дорогая, но кто-то ему рукав-то порвал.

Бранд мрачно подумал, что вот такого сюрприза от Роуна он точно не ждал.

– Ладно, спасибо. Пойду искать своего друга.

– Да вряд ли они еще там, – хмыкнул стражник ему в спину. Бранд остановился. – У них там в тюрьме сейчас разнос идет, начальник рвет и мечет, и всех, кто мимо проходит, в камеру бросает. – Он хохотнул. – Заснули они все там, вишь ты!

Бранд поразмыслил немного, решил, что в словах стражника есть здравый смысл, и даже Роун вряд ли стал бы возвращаться туда, где может отхватить приключений. А потому он направился во дворец, надеясь, что легкомысленный принц вернулся домой.

Вот только зачем ему понадобилось якшаться с южанином?

А дома его тут же вызвал к себе Бьерн и, не дав сказать и слова, рассказал о случившемся. Бранд был подавлен и ошеломлен. Он чувствовал себя очень виноватым и не мог посмотреть дяде в лицо.

– Прости меня, дядя, – выговорил он, пряча глаза. Потом сказал себе, что ответственность надо принимать в полной мере, вздохнул и поднял голову. Бьерн смотрел на него совсем не осуждающе, и Бранду от этого стало еще хуже.

– Тебе не за что просить прощения, – заявил король, положил руку на плечо племяннику и сжал. Это движение было наполнено тревогой. – Мы все знаем, каким Роун может быть сорвиголовой. Наверняка, это один из подобных случаев.

Далия стояла у окна, всматриваясь в ночную тьму так, словно надеялась увидеть сына. Бранд закусил губу, ощущая стыд. Это по его вине принц исчез. Это он оставил кузена одного. Это по его вине...

Будто читая его мысли, Далия обернулась, посмотрела на него и покачала головой.

– Нет, – прошептала она одними губами, так что Бьерн ничего не услышал.

Бранд медленно кивнул. Потом подумал, что стоит рассказать о случившемся в трактире.

– И я думаю, что это тот самый южанин, – закончил он историю. – Пока не знаю, что случилось в тюрьме, и почему Роун его выпустил... и даже никаких предположений.

Далия и Бьерн переглянулись, и у Бранда возникло четкое ощущение, что король с королевой знают гораздо больше, чем говорят ему.

В дверь негромко постучали. Бьерн кивнул своим мыслям и произнес:

– Входи.

В комнату вошел высокий, крепкий мужчина в военной форме. Почтительно склонив голову перед королевой, он обратился к королю:

– Приказывай, мой король.

Голос командира дворцовой стражи Айварса был негромким, но каждое слово произносилось четко и ясно. К своим тридцати семи годам Айварс успел доказать свою несомненную верность Бьерну, с которым прошел трудный путь войн и построения мира. Бьерн и Айварс были знакомы больше двадцати лет – со дня инициации будущего правителя Вангейта и нападения на него одного из бунтовщиков. Айварс тогда без колебаний встал на защиту принца, получил глубокий шрам на щеке и стал лучшим другом короля.

– Роун, – без предисловия начал Бьерн. – Он зачем-то отправился в Пустошь. Ночью. В компании загадочного южанина.

В лице Айварса не дрогнул ни один нерв. Он кивнул:

– Мы найдем их. Выдвигаемся немедленно.

– Возьмите, командир Айварс, – королева протянула ему ножны с мечом. Айварс взял их, снова склонил голову. – Это Огненная игла, она поможет найти Роуна.

Она помолчала, закусила губу и тихо попросила:

– Прошу, найдите его, пока не стало слишком поздно.

Айварс коротко кивнул и вышел. Бьерн подошел к Далии, что-то прошептал ей. Королева кивнула, посмотрела на Бранда и подозвала его жестом. Бранд шагнул вперед.

– На днях в Вангейт прибудет делегация из Ариффы, – сообщила Далия. Бранд кое-что слышал об этом, но в детали не вдавался, считая, что все, что нужно, ему скажут в нужный момент. За этот недостаток любопытства Роун частенько издевался над ним, называя старым занудой – и, однако же, был совсем не против, когда старый зануда снова и снова вытаскивал его из передряг, в которые принц угодил из-за повышенной любознательности.

– Наверняка, мой дядя пришлет кого-то, чтобы разузнать о Даре Роуна, – королева запнулась на мгновение, потом продолжила: – Я не могу передать это кому-то другому. Так что ты должен будешь понять, кто этот особенный гость, и проследить, чтобы он не совал свой нос, куда не следует.

Бранд ответил не сразу: он пытался осознать масштаб задачи и цену за провал. Помотал головой, потом сразу же закивал. Далия слабо улыбнулась, конечно же, понимая причину его нерешительности.

– Ты столько лет присматривал за Роуном, Бранд. Неужели не сможешь за каким-то шпионом?

Отношения между королем Муазом и Далией начали портиться несколько лет назад. Бранд не лез не в свое дело и не выпрашивал ничего, но расстроенный Роун рассказал, что мамин дядя хочет через нее оказывать влияние на Вангейт, устанавливая свои цены на товары и получая все большую власть. Конечно же, Далия не пожелала выполнять подобную просьбу-требование. Муаз рассердился и уже два года вообще не общался с племянницей.

Учитывая близившуюся инициацию Роуна, Арифа, конечно, не могла остаться в стороне. Наверняка, шпион будет, но вот сможет ли он, Бранд, вычислить его и обезвредить так, чтобы не пострадал и без того хрупкий мир между королевствами?

Бранд вспомнил, какое у королевы было лицо, и клятвенно пообещал себе, что справится. Что угодно сделает, чтобы сохранить мир, как бы Арифа ни пыталась его разрушить.

Исчезновение принца из дворца, разумеется, не оставалось секретом долго. Советник Каид в этот поздний час все еще оставался в зале Совета, разбирая важные дела. Мысли его то и дело обращались к двум предстоящим событиям: визиту послов из Ариффы и инициации Роуна. Нужно было о многом позаботиться.

Конечно же, Каид всегда проверял то, за что взялся, до мелочей. Знал больше, чем кто-либо, причем о таких вещах, о которых никто, кроме него, и не задумывался. Именно поэтому у него всегда было несколько планов, и он никогда не проигрывал. А сейчас предстояло разыграть свою игру сразу на двух досках, обратив себе на пользу все недостатки противника.

Каид небрежно бросил в мусор ненужный документ, и задумчиво прищурился, глядя на танцующий в камине огонь. За окном бушевала непогода, но в комнате было тепло и спокойно. Не то, что днем, когда советники пытаются перекричать друг друга в борьбе за внимание короля.

– Глупцы, – прошептал Каид с усмешкой. – Они полагают, что их мнение что-то значит, и не желают слушать советов и предложений. Что ж, тем больше будет падать.

Главный советник начал предпоследний раунд своей масштабной игры два года назад. За это время он осторожно и методично подбирал ключи ко всем своим товарищам по Совету, собирая на них компромат, чтобы надавить на них в нужный момент. Заодно и выяснял истинное отношение коллег к правящему королю. Оказалось, что недовольных довольно много: кого-то не устраивал отмененный Бьерном налог, кто-то затаил обиду за нанесенное оскорбление, а еще двое хотели сами сесть на трон.

Однако, к разочарованию Каида, никто из вероятных предателей не собирался открыто присоединиться к нему в случае, если Каид начнет свою борьбу за трон. Трусливо прикрываясь своим положением и статусом, эти лицемеры только и могли, что нести фальшивую чушь, что выводило главного советника из себя. Он понимал, что наверняка эти поганые чиновники не замедлят принести ему клятву верности, если он сядет на трон – но кому тогда будут нужны их клятвы и заверения?

Каид вытянул руку перед собой, пристально посмотрел на нее – и над ладонью из ниоткуда появился небольшой шар из пара. Он мгновенно превратился в лед и упал в подставленную ладонь, окутанный дымкой. Каид усмехнулся, покрутил шар в руке. Затем резким движением отправил его в камин. Огонь зашипел и притих на секунду, но тут же восстановил силу.

Дар проявился в нем в день совершеннолетия – неожиданно для всех, даже для самого Каида, который хоть и лелеял в глубине души мечту стать правителем, но прекрасно понимал, что у сына рыбака нет никаких шансов. Максимум, на что он мог бы рассчитывать – местечко при каком-нибудь мелком чиновнике в качестве помощника, с унылой перспективой провести всю свою жизнь у подножия трона. Однако магия резко изменила его судьбу – и теперь Каид был намерен изменить судьбу королевства, в котором жил.

«С высоты плохо видно, на кого ты наступаешь», гласила давняя поговорка. С детских лет Каид видел, как люди, наделенные властью, относятся к обычному народу, ни в грош его не ставят, унижают и используют. И чем старше он становился, тем больше задавался вопросами, почему народ не восстает против подобных порядков, и как помочь ему стряхнуть унылую покорность. Однако понимание, что он ровным счетом ничего не может противопоставить режиму, угнетало и злило. И только когда ему исполнилось семнадцать, Каид понял, что ему следует делать.

Спрятав презрение к власти имущим в самый потаенный уголок души, он должен был стать тем, без кого король не сможет обойтись. Правой рукой, которая с течением времени будет обретать все больше свободы. Советником и другом, у которого ищут помощи.

А потом, когда наступит подходящий момент, он обрушит выстроенную им же иллюзорную конструкцию, оплетя ее паутиной интриг и клеветы, да так, что только он сам и останется невредимым. А правитель – какая печаль! – погибнет под руинами. И кому, как не главному советнику, знать все подводные камни власти и управления? Кому, как не Каиду, становиться следующим правителем Вангейта, который приведет королевство к процветанию?

В дверь постучали, и сразу же, не дожидаясь разрешения, в комнату скользнул тощий человек с невыразительным лицом и в серой одежде. Он поклонился Каиду и негромко сказал:

– Слухи верны, мой господин. Принц Роун не возвращался во дворец.

– Замечательно, – отозвался Каид, по-прежнему глядя в огонь. Верный помощник молча ждал. – Есть предположения, где он может быть?

– Его видели в компании с каким-то южанином. Хозяин постоянного двора опознал его. Говорит, они взяли двух лошадей. По их словам, собирались ехать на восток.

– На восток? – Каид поднял брови. – Ночью, вместе с южанином? Странно даже для легкомысленного Роуна. Кстати, что за южанин? Не создаст проблем?

– О нем ничего не известно.

– Что ж, нам это на руку, – Каид поднялся, вышел из-за стола. Невысокий, крепкий, с пронзительным взглядом, он неизменно производил впечатление человека, который много

знает – но доверять которому, однако, стоит с оглядкой. – Скоро приедут послы, надо подготовиться. Король сейчас обеспокоен исчезновением сына, так что переговоры возьму на себя я. Твоя задача – проследить, чтобы Роун не вернулся.

– А как быть с инициацией? – негромко спросил помощник. Каид рассеянно отмахнулся:

– Я же сказал: проследи, чтобы принц не вернулся. Ни до инициации, ни во время, ни после. Исчез – так исчез. Духи севера ему в товарищи на пути к Небесному замку.

Поисковый отряд командира Айварса пересек реку в том же месте, где и Роун с таинственным спутником. Почти сразу же разведчики наткнулись на окоченевшие трупы двух лошадей. Животные замерзли совсем недавно.

Айварс посмотрел на обманчиво спокойную в это время Пустошь и покачал головой. Что могло двигать принцем, увлекая его в столь опасное путешествие? Да еще в то время года, когда вот-вот наступит ночь Сияния?

Огненная игла – короткий острый меч – четко указывала на север. Именно в ту сторону пошли Роун и его спутник. К Скалистому хребту.

– Пошли, – Айварс махнул рукой, призывая своих людей не расслабляться. – Нам надо догнать их.

Тайна Карима

Одной из странностей Пустоши оказалось то, что время здесь текло, кажется, по своим законам. Да, на рассвете на востоке зажигалась яркая звезда Аврора, а в полдень можно было различить тусклый шар солнца за серой пеленой облаков. Однако эти символы дня угасали очень быстро, и на смену им приходила безраздельно царствующая ночь.

Иногда она была ясной, и тогда небесный купол покрывали мириады светлячков. Бывали ночи туманные, тревожные; белая земля под ногами сливалась с небом, и создавалось такое впечатление, что в мире больше ничего и никого нет – только ты и этот снежный неласковый мир вокруг.

Чаще всего в Пустоши завывал тоскливо ветер, без остановки шел колючий снег, и путнику чудилось, будто он слышит заунывные песни и видит идущих за ним призраков. Те смельчаки, что доходили до Второй развилки, рассказывали, что именно там им являлись призраки Пустоши, приказывая вернуться домой и не тревожить сон мертвых. Им верили. Потому что не было в Вангейте взрослого человека, который бы не знал легенду о Северном гоне, о Деве-воительнице и мстительных Гончих Пустоши.

Но хуже были те редкие ночи, когда метель расходилась вовсю, не щадя ничего. Снежная буря поглощала все, яростно завывал свирепый ветер, и казалось, будто злобный великан швыряется снежками. Дозорные на стене шепотом рассказывали, что именно в такие ночи в Пустоши загораются десятки огоньков, которые с разной скоростью передвигаются по снежной степи. Кое-кто даже клялся, что своими глазами видел, как призрачные всадники Тернового короля пытаются перебраться на эту сторону реки, но их останавливает магия огня. Воя от бессилия, призраки убирались обратно в Пустошь – до следующей Темной Ночи.

Роуну и Кариму до сих пор везло. Шла третья их ночь в Пустоши, но самое серьезное, с чем им пришлось столкнуться, была та самая метель в первую ночь, когда они увидели охоту Тернового короля. Роун до сих пор был полон впечатлений об увиденном и то и дело порывался начать эмоциональный монолог, чем неизменно смешил Карима.

Южанин вел себя куда сдержаннее, как будто бы это он всю жизнь провел на севере и был знаком со всеми легендами Пустоши. Роуна его чуть насмешливое отношение ко всему происходящему немало удивляло.

– Ты как будто здесь не в первый раз, – проворчал Роун как-то, когда они остановились на привал. Карим усмехнулся, вытаскивая из сумки еду.

– Это потому, что я не бегаю от восторга кругами, как собачка? – поинтересовался он насмешливо. Роун издал негодующий возглас:

– Я похож на собачку?!

– Ну, на котенка, – легко согласился Карим, со смешком увернулся от брошенного в него снежка. – Ладно-ладно, рысь.

– Странный ты, – Роун сел напротив, забирая от Карима свою долю. – Тебя ничего не пугает, ничего не удивляет. А ведь это Пустошь, забирающая жизни у самых смелых и сильных.

– Значит, не так уж они были смелы и сильны, – равнодушно заявил Карим. Такого Роун простить не мог:

– Ты не имеешь права так говорить о моем народе, южанин!

– Глупость – общечеловеческий порок, и тебе пора это запомнить, если не хочешь разочаровываться снова и снова, – заметил Карим, глядя на пламя костра.

Роун помолчал, убеждая себя не горячиться. Потом спросил:

– Если считаешь поход в Пустошь глупостью, то зачем ты здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.